

ПАРА ПСАЛИЕВ ИЗ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А.Н. Усачук,
С.В. Ляхов

В 1993 г. экспедиция Саратовского госуниверситета провела охранные раскопки двух курганов на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Курдюм, в 0,5 км к востоку от пос. Сторожевка Татищевского р-на Саратовской обл. Материал частично опубликован [Ляхов, 1996, с. 77-84; Дремов, 1997, с. 76]. В п. 2 кургана 2 найдена пара щитковых псалиев.

Проведено трасологическое изучение этих псалиев, хранящихся в фондах Энгельсского краеведческого музея (шифр: ЭКМ 11924). Применялись лупы различных увеличений и микроскоп «Микко». Во время обработки псалиев были сделаны и их рисунки-реконструкции (рис. 1,1,2)¹.

Оба псалия фрагментированы. От одного (рис. 1,1) сохранилась большая часть планки и около четверти щитка. Псалий изготовлен, скорее всего, из одинарной пластины рога Cervidae. Пластика сырья выбрана удачно: только на обратной стороне псалия начинается губчатый слой. Очевидно, первоначально была вырезана грубая заготовка, а затем мастер стал оформлять щиток и планку. При помощи металлического лезвия тонкой линией намечена граница щитка. Это сделано для того, чтобы аккуратным строганием поверхности планки несколько утончить ее по сравнению со щитком. Следы резки металлическим лезвием идут и по торцу планки. Направление резки – от боковых выступов к вершине планки. Щиток псалия также подрезан по поверхности металлическим лезвием, поскольку мастер формировал невысокую втулку вокруг центрального отверстия. Характер изготовления этого отверстия неясен. Маленькое отверстие в планке просверлено лучковым сверлом. Отверстие в центре планки, возможно, также просверлено, но последующей подрезкой, увеличив размеры отверстия, мастер уничтожил следы сверления.

Внутренняя сторона планки обрабатывалась абразивом. Следы идут в разных направлениях. Внешняя сторона планки (и щитка ?) также обработана мелким абразивом.

Поверх следов изготовления на псалии – яркие следы использования. Вся планка сильно залощена. Грань щитка (рис. 2,1А) залощена до нитевидной заполировки. Участок выступа на планке (рис. 2,1Б) заполирован. Втулка вокруг центрального отверстия в щитке почти вся снивелирована. Участок щитка (рис. 2,1В) сильно залощен, а грань щитка в этом месте – завальцована.

От второго псалия также сохранилась часть планки и щитка (рис. 1,2). Этот псалий изготовлен, как и первый, вероятнее всего, одинарной роговой пластины. Сохранность псалия хуже, чем предыдущего, поэтому мало что можно сказать о приемах его изготовления.

Поверхность псалия подправлялась металлическим лезвием. Центральное отверстие в планке просверлено при помощи лучкового сверла (материал сверла ?). Характер изготовления большого отверстия в щитке неясен. Скорее всего, и это отверстие было просверлено, но следы сверления не сохранились. В отличие от большого количества псалиев, у которых планка и особенно выступы по ее краям резались очень тщательно

¹ Трасологический анализ и рисунки псалиев выполнены 26 сентября 1998 г.

(Усачук, 1998, с. 73-74; 2001, с. 105-111), на втором сторожевском псалии фиксируется упрощенная схема изготовления: планка не выделена, а выступ (выступы ?) оформлен не резкой, а сверлением (Усачук, 2001, с. 107).

В отличие от первого сторожевского, на втором сторожевском псалии почти не заметны следы использования. Отчасти это объясняется не очень хорошей сохранностью фрагмента псалия, отчасти – ровной легкой фоновой залощенностью всего изделия. Фиксируется направление сработанности центрального отверстия (рис. 2, 2А).

Рисунки обоих псалиев сделаны с частичной реконструкцией. Первый сторожевский псалий восстанавливается практически без проблем: судя по сохранившейся части щитка, можно с уверенностью говорить о его овальной форме (рис. 1,1). Не возникает вопросов и при реконструкции треугольной планки. Труднее со вторым псалием. Возможно, его щиток был овальным или подовальным, но не исключено, что форма щитка была подквадратная (подпрямоугольная) – в общих чертах напоминая богоявленский псалий [Пряхин, Беседин, 1998, рис. 2,4], псалии из п.5 кургана 2 могильника Каменный Амбар-5 [Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, рис. 22,1,3] или псалии из п.11 и п.12 большого грунтового могильника Синташты [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 75, 1-3; рис. 79,9]. Оформление выступа планки второго сторожевского псалия очень напоминает процесс изготовления выступов планок краснопольских псалиев (рис. 3,4,6).

Наиболее близкие аналогии первому сторожевскому псалию – утевские, особенно один экземпляр из п.3 кургана 2 (рис. 3,3)². Близка по форме этому сторожевскому псалию и заготовка псалия с поселения Куйсак (рис. 3,8). Безусловно, сторожевские псалии относятся к синташтинскому (южноуральскому) типу [ср. Пряхин, Беседин, 1998, с. 31,32]. В то же время некоторые черты сближают эти псалии с золотогорскими и краснопольскими, которые А.Д.Пряхин и В.И.Беседин справедливо относят к производным от псалиев староюрьевского типа [Пряхин, Беседин, 1997, с. 79-81; 1998, с. 27, рис. 4,12, с.29].

Трасологическое изучение щитковых псалиев на Среднем Дону, в Поволжье и на Южном Урале [Усачук, 1999, с. 154-156; 2003, с. 192-198; Usachuk, 2002, р. 337-343] позволило, среди других, сделать вывод о том, что в Саратовском Поволжье прослеживается упрощение (рациональное ?) технологии изготовления псалиев за счет попытки соединить традиции Среднего Дона и Южного Урала в изготовлении этих предметов. В Саратовском Поволжье более свободная манера оформления планок псалиев, более «вольное» обращение с шипами [Усачук, 2001, с. 109], упрощенная орнаментация [Пряхин, Беседин, 1997, с.81]. По поводу шипов заметим, что выбор сырья для сторожевских псалиев (одинарная роговая пластина) предопределил изготовление бесшипных экземпляров. Наиболее близкая аналогия (и территориально и, отчасти, морфологически) – левый бесшипный псалий из п. 1 кургана 4 могильника Золотая гора (рис. 3,7). Более далекие аналогии: бесшипные щитковые псалии с поселения Камышное [Потемкина, 1985, рис. 55,5], с поселения Поляны-I [Радзіевська, Шрамко, 1980, с. 107-108], из Тосега [Penner, 1998, Taf. 8,4,6]. Возможно и один из бестамакских псалиев является бесшипным, однако, помимо краткой информации [Калиева, Колбин, Логвин, 1992, с. 58] ничего о псалиях грунтового могильника Бестамак, к сожалению, неизвестно³.

² У А.Д.Пряхина и В.И.Беседина [1998, рис. 6,7] ошибочно поставлен номер погребения – 5.

³ Могильник Бестамак, п. 7 – найдено три щитковых псалия с интересными вариантами технологии

Судя по следам сработанности, сторожевские псалии использовались. Заложенность внешней стороны планки и нитевидная заполировка выступа на ней (рис. 2,1Б) свидетельствуют о том, что наносный (нахрапный) ремень шел поверх планки первого сторожевского псалия. Говоря о возможных деталях крепления щитковых псалиев, мы опираемся на реконструкции А.Д.Пряхина и В.И.Беседина [1998, рис. 2,3; рис. 3,6,7; рис. 5,2; рис. 6,2] и В.Н.Горбова и одного из авторов этой статьи [Горбов, Усачук, 1999, с. 79]. Следует добавить, что появились иные точки зрения [Епимахов, 2001, с. 15-16; Чечушков, 2001, с. 225-228; Епимахов, Чечушков, 2004], где в реконструкции конской упряжи крепится к планке псалия суголовный (нащечный) ремень. Не разбирая сейчас достоинства и недостатки предложенных реконструкций [об этом см.: Усачук, в печати], заметим, что в любом случае предполагается положение ремня поверх планки, что коррелируется со следами сработанности на первом сторожевском псалии. Заполировка участка выступа на планке (рис. 2,1Б) подразумевает прохождение под ним тонкого ремешка [Чечушков, 2001, с. 227; Усачук, 2001, с. 109; Епимахов, Чечушков, 2004, рис. 1а]. К сожалению, из-за фрагментарности первого сторожевского псалия нет возможности выяснить направление сработанности центрального отверстия, хотя остатки втулки сильно снивелированы и зафиксирован участок большей заложенности щитка (рис. 2,1В). Направление сработанности этого псалия не противоречит ни группе следов I, ни группе следов II, выделенных при анализе сработанности многих псалиев [Усачук, 1998, с.77, 78, рис. 2]. Правда, направление сработанности центрального отверстия в щитке второго сторожевского псалия (рис. 2,2А) позволяет реконструировать этот псалий как правый, поскольку на щитке нет группы следов II, которая образуется после группы следов I [Усачук, 1998, с. 77].

Таким образом, по сработанности сторожевских псалиев нельзя точно определить, являются ли эти изделия деталями одной упряжи. Однако, совокупность косвенных признаков, в том числе и наличие только двух псалиев в одном погребении, говорят в пользу того, что сторожевская пара использовалась (вероятно недолго) в одном наборе. Трасологическое изучение большого количества псалиев показало, что они, при всей разнице и безусловной уникальности каждого изделия, в парах, как правило, близки друг другу. Во всяком случае, разница в экземплярах пар не носит принципиальный характер. Наиболее своеобразные пары: псалии из уже упоминавшегося комплекса п. 1 кургана 4 могильника Золотая гора (рис. 3,5,7) псалии из раскопок Д.Г.Здановича в 2000 г. (Степное VII) и утевские псалии из п. 5 кургана 6 (рис. 3,1,2)⁴. Утевская пара не только демонстрирует яркое сочетание двух типов псалиев (староюрьевского и синташтинского), но и обладает интересной трасологической информацией, позволяющей с большой долей вероятности предполагать механическое соединение псалиев в пару в качестве погребального инвентаря. Псалии из Степного VII пока не введены в научный оборот⁵. А пара псалиев из п. 1 кургана 4 могильника Золотая гора интересна не только своеобразным оформлением выступов на планках [Усачук, 2001, с. 101-109], но и тем, что

изготовления экземпляров. Благодарим Е.Е.Кузьмину за информацию по бестамакским находкам.

⁴ Заметим, что в подписи к рисунку при публикации этой пары псалиев ошибочно указан номер погребения – 6 [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1992, рис. 5,12,13]. Эту ошибку повторили А.Д.Пряхин и В.И.Беседин [1998, рис. 5,3,4].

⁵ При всей непохожести псалиев из Степного VII друг на друга, они, на наш взгляд, чрезвычайно близки друг другу системой крепления ремня к планке.

правый псалий – с шипами (рис. 3,5), а левый – бесшипный (рис. 3,7). Этим золотогорские псалии наиболее близки сторожевским, где уже оба изделия – бесшипные.

Недавно предложены варианты разделения псалиев на внешние и внутренние [Василенко, 2002, с. 27-41], причем золотогорский левый псалий из-за отсутствия шипов и орнамента интерпретируется как внутренний псалий на правой лошади (подразумевается упряжка – бига) [Василенко, 2002, с. 36]. Сама идея разного отношения к четырем псалиям одной биги интересна. Однако, нам кажется, что предложенные варианты распределения псалиев схематичны. В частности, выводам о положении золотогорских псалиев в упряжи противоречат как раз псалии из Сторожевки: оба без орнамента, оба без шипов; каждый, следуя логике А.И.Василенко, должен быть внутренним. На наш взгляд, возможны иные объяснения шипастости/бесшипности золотогорских псалиев. Псалий, по словам Х.-Г.Хюттеля, являясь средством укрощения, применим только к прирученной лошади [Hüttel, 1978, S. 70] (Х.-Г.Хюттель акцентирует внимание на процессе доместикации лошади [1978, S. 72], однако говорит о псалиях, как о развитом, технически весьма специфическом средстве укрощения лошади [1978, S. 72], что не может существовать без развитого тренинга). Действительно, лошадей для колесничной упряжки нужно было долго обучать [Нефедкин, 2001, с. 31]. Вероятно, разные псалии (с шипами и без) представляли собой части разных по строгости средств управления, применяемых к разным по степени обученности лошадям. Заметим, что помимо разности в шипах, строгость запряжки определялась, по мнению В.С.Бочкарева, шириной планки псалия (т.е. более широким наносным (нахрапным) ремнем) [Бочкарев, 1998]. Таким образом, строгость и жесткость управления лошадьми можно было варьировать в широких пределах. Золотогорская узда менее строгая, чем любая иная с двумя «шипастыми» псалиями, но более строгая, чем сторожевская – с бесшипными псалиями.

Известно, что бесшипные щитковые псалии использовались как для верховой езды, так и в колесничной упряжке [Бочкарев, 1998]⁶. Использование колесницы в бою, когда требуется искусное управление упряжкой [Нефедкин, 2001, с. 87], то есть быстрота и четкость выполнения лошадьми приказов возницы, когда действительно «конь слышит обузданной мордой» [Hüttel, 1978, S. 81], подразумевает наличие псалиев с шипами [Нелин, 1999, с. 54; 1999а, с. 17]. Однако, вполне достаточно бесшипных псалиев для колесницы вне боя [Нелин, 1999, с. 57; 1999а, с. 17], тем более, что коней для небоевой колесницы обучали не так, как боевых [Нефедкин, 2001, с. 31]. Скорее всего, сторожевские псалии являются деталью упряжи коней подобной небоевой (парадной ?, транспортной ?, ритуальной ?) колесницы. Последний вариант кажется нам наиболее приемлемым, поскольку отчасти механическое смешение двух хоть и близких, но разносработанных псалиев произошло, скорее всего, незадолго до или при совершении погребального обряда⁷.

⁶ К вопросу об использовании бесшипных щитковых псалиев в колесничной упряжке: на ситуацию с алакульским псалием внимание одного из авторов обратил В.С.Бочкарев. Из письма А.Н.Усачуку от 27 ноября 1999 г.: «... Что касается псалия из Алакуля, то хочу обратить твое внимание на следующее обстоятельство. Он найден в могиле, на краю которой (с южной стороны) лежало две лошади. Это указывает на то, что бесшипные псалии принадлежали еще колесничной запряжке ...» [Архив А.Н.Усачука].

⁷ В районе пос. Сторожевка, но на левом берегу р. Курдюм в п. 1 кургана 1 в 1995 г. найдены шипы от, очевидно, двух щитковых псалиев [Кочерженко, 1996, с. 53]. Именно эти находки вошли в карту-сводку А.Д.Пряхина и В.И.Беседина со значком «находки шипов» [Пряхин, Беседин, 1998, рис. 1]. Всего найдено

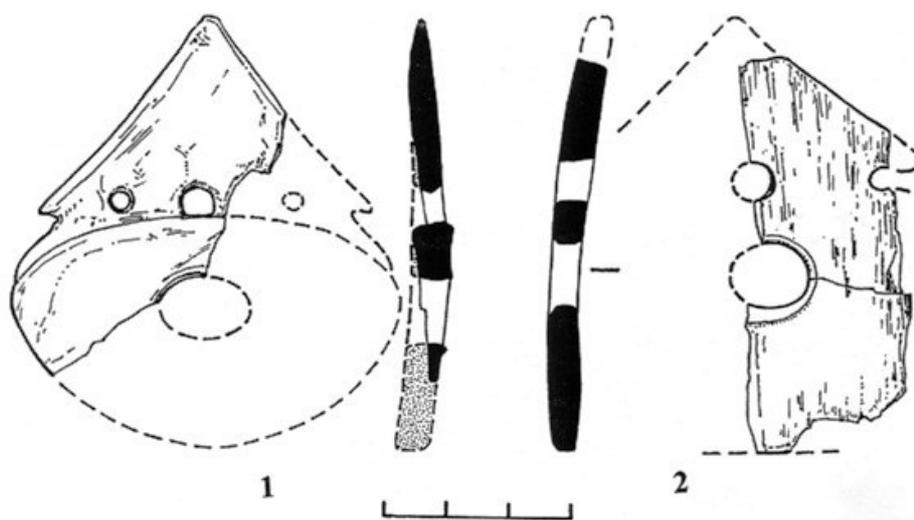

Рис. 1, 2 – псалии из п. 2 кургана 2 у пос. Сторожевка (Саратовское Поволжье, раскопки 1993 г.).

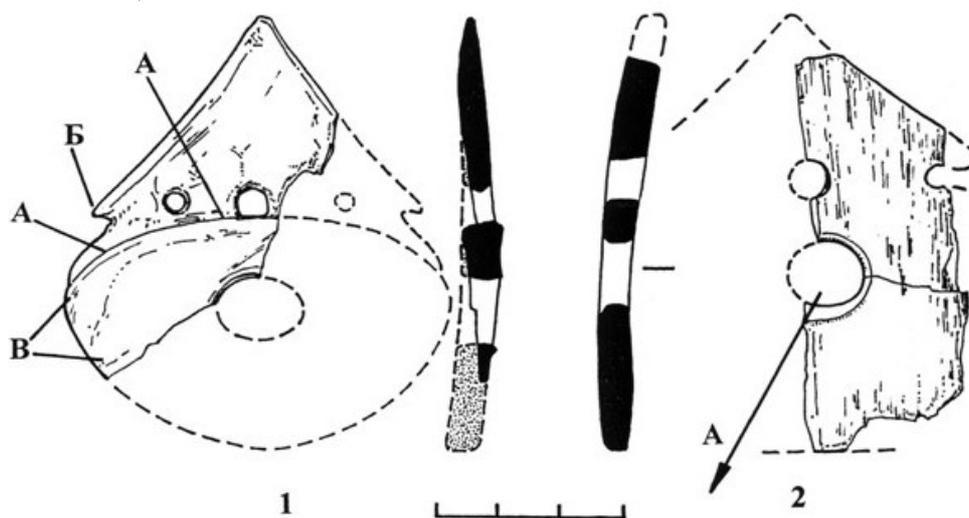

Рис. 2. 1, 2 – схемы следов использования на псалиях из п. 2 кургана 2 у пос. Сторожевка.

семь шипов (рис.4,1-7). Щитки псалиев либо не сохранились, либо были деревянными и тем более подвержены разрушению. А.Д.Пряхин и В.И.Беседин предполагают, что щитки для сторожевских шипов были как раз деревянными, причем пара состояла из четырехшипных псалиев [Пряхин, Беседин, 1998, с.26]. Шипы сделаны в одной манере и на них сохранились следы резки. На торцах всех шипов вырезан крестообразный орнамент. Детали орнамента немного разнятся в размерах, но вырезаны в одной манере. Очевидно, пара псалиев из раскопок 1995 г. изготовлена одним мастером. Трасологический анализ шипов выполнен 21 сентября 1998 г. в фондах государственного художественного музея им. А.Н.Радищева, Саратов.

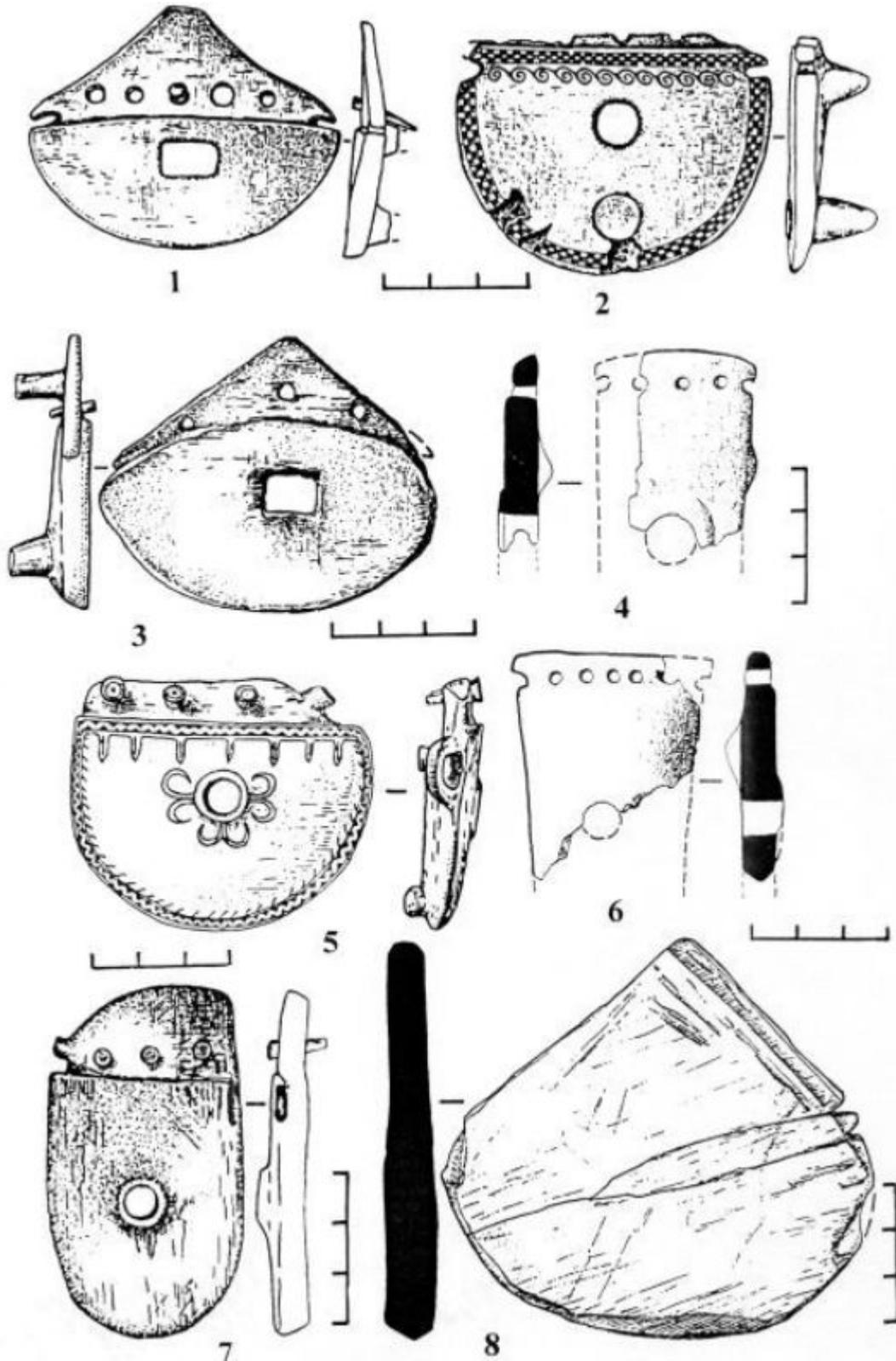

Рис. 3. Круг аналогий сторожевским псалям: 1,2 – Утевка VI, к. 6 п. 5; 3 – Утевка VI, к. 2 п. 3; 4,6 – Краснополье, к. 2 п. 4; 5,7 – Золотая гора, к. 4 п. 1; 8 – поселение Куйсак.

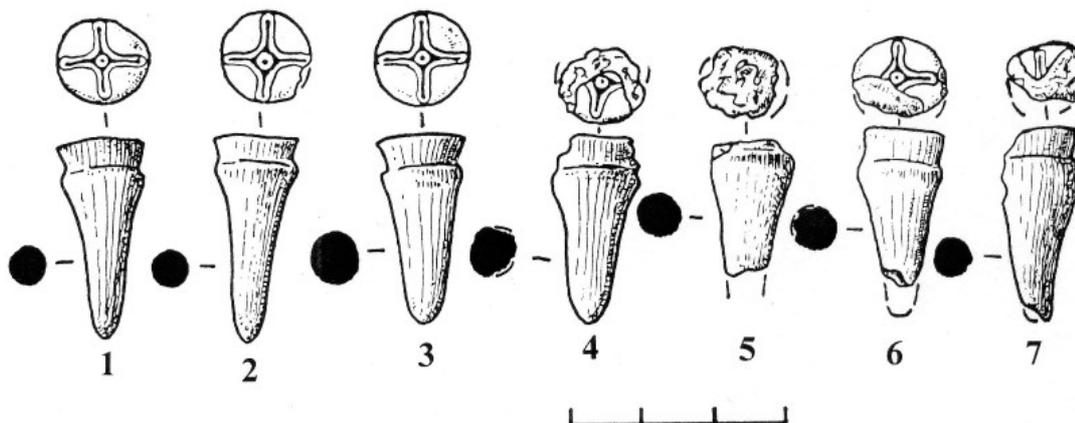

Рис. 4. 1-7 – шипы псалиев из п.1 кургана 1 у пос.Сторожевка (Саратовское Поволжье, раскопки 1995 г.).

Литература

1. Бочкарев В.С. Дисковидные псалии начальной поры эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана// Пространственный анализ археологических памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья. IV Рыковские чтения (доклад 24 сентября 1998 г., рукопись). Саратов.
2. Василенко А.И. Некоторые особенности использования древнейших псалиев// Исторична наука: проблеми розвитку. М-ли Міжнар. наук. конф. – Луганськ, 2002. – С. 27-41.
3. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье// Археологические вести. – № 1. – СПб, 1992. – С. 52-63.
4. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. – Челябинск, 1992. – 408 с.
5. Горбов В.Н., Усачук А.Н. О системе крепления псалиев с выделенной планкой колесничной запряжки бронзового века// Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова) – Запорожье, 1999. – С. 78-85.
6. Дремов И.И. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье// Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. М-лы междунар. научн. конф. Часть 2. – Саратов, 1997. – С. 57-79.
7. Епимахов А.В. Материалы к реконструкции конской упряжи бронзового века степного Зауралья// Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. М-лы междунар. научн. конф. – Ашхабад, 2001. – С. 15-16.
8. Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы// Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах, № 15. – Донецк, 2004. – С. 39-45.
9. Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могилиник у поселения Бестамак// Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992. – С. 57-59.
10. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье// Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара, 1995. – С. 156-207.
11. Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка// Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 53-56.
12. Ляхов С.В. Уникальное погребение эпохи поздней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация)// Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 77-84.
13. Нелин Д.В. К проблеме сложения варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья)//

- Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. – Самара, 1999. – С. 51-60.
14. Нелин Д.В. Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы. Автореферат... дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1999а. – 23 с.
 15. Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.). – СПб, 2001. – 528 с.
 16. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985. – 376 с.
 17. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья// Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. М-лы междунар. научн. конф. – Саратов, 1997. – С. 79-81.
 18. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи// РА. – № 3. – 1998. – С. 22-35.
 19. Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині// Археологія. 33. 1980. – С. 100-108.
 20. Усачук А.Н. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж, 1998. – С. 72-81.
 21. Усачук А.Н. Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалиев// Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. М-лы к междунар. конф. – Челябинск, 1999. – С. 154-156.
 22. Усачук А.Н. Конструктивные особенности планок щитковых псалиев// Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка, 2001. – С. 105-111.
 23. Усачук А.Н. Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалиев (по материалам Среднего Дона, Поволжья и Южного Урала)// Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф.Коробковой. – СПб, 2003. – С. 192-198.
 24. Усачук А.Н. Реконструкции крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы. В печати.
 25. Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи бронзового века// Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25-30 марта 2001 г.). – Барнаул, 2001. – С. 225-228.
 26. Hüttel H.-G. Altbronzezeitliche Pferdetransen. Ein Beitrag zur Geschichte des 16. Jahrhunderts v.Chr.// Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. Main. – München, 1978. – S. 65-86.
 27. Penner S. Schliemanns Schachtgrübberrung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. B. 60 – Bonn, 1998. – 239 S.
 28. Usachuk A.N. Regional Peculiarities of Technology of the Shield Cheekpiece Production (Based on the Materials of the Middle Don, Volga, and South Urals)// Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Vol.I. JIES Monograph N 45. Washington, 2002. – P. 337-343.